

ИНТЕРВЬЮ МЕСЯЦА

ЭКСКЛЮЗИВ

“РОССИЯ СДЕЛАЕТ МАКСИМУМ ВОЗМОЖНОГО, ЧТОБЫ ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ БЫЛ ПРОДЛЕН БЕССРОЧНО”

Беседа редактора журнала “Ядерный Контроль” Владимира Орлова с заместителем секретаря Совета безопасности Российской Федерации

Валерием МАНИЛОВЫМ

Вопрос о координации политики различных ведомств в военно-политической и внешнеполитической областях остается открытым. Очевидно одно: отсутствие должной координации существенно влияет на выработку и эффективное принятие руководством России действенных и сбалансированных военно-политических и внешнеполитических решений. Совет безопасности Российской Федерации в настоящее время частично пытается взять функции такого межведомственного координатора на себя. В частности, именно на уровне аппарата Совета безопасности России разрабатывались рекомендации, которые легли в основу Решения Совета безопасности по позиции Российской Федерации на Конференции по продлению ДНЯО. Данное Решение было принято 6 марта.

- Валерий Леонидович, расскажите прежде всего, как готовилось решение Совета безопасности по вопросу об отношении России к различным вариантам срока продления ДНЯО?

- Рассмотрение этого вопроса на заседании Совета безопасности 6 марта продиктовано актуальностью этой проблемы, необходимостью ее безотлагательного решения в преддверии Конференции по продлению действия Договора. Необходимо было определить те меры, механизмы, которые каждое из государств-участников, в том числе Россия, должны осуществить для реализации этого договора. Заседание было плановым. Вопрос о ДНЯО тоже был на нем плановым: президент дал соответствующее поручение Совету безопасности еще в феврале. Но практически вопрос на заседании не обсуждался - причем в данном случае это хороший симптом. **Очень серьезная межведомственная профессиональная проработка этого вопроса была осуществлена в период подготовки заседания Совета безопасности.** Все необходимые предложения были тщательно проработаны и согласованы с сотрудниками аппаратов президента и правительства, соответствующих министерств и ведомств, прежде всего Минатома и МИДа. *Предварительное* изучение членами Совета безопасности этих документов привело к выводу, что обсуждать их в ходе заседания нет необходимости. На основе предложенных рекомендаций было принято Решение Совета безопасности. **У всех членов СБ существует единая, совершенно осознанная позиция: Договор безусловно необходимо продлевать.**

- Дальше - самое важное. На какой срок?

- Конечно, в идеале надо, чтобы Договор был бессрочным и чтобы все государства мира стали его *подписантами и соблюдающими*. Исходя из современных политических реалий, к этому идеалу надо стремиться, но при этом **требуется сделать все возможное для того, чтобы максимальное количество государств присоединилось к этому договору и чтобы никто от него не отошел в ходе конференции.** Кроме

того, нужно сделать все для того, чтобы Договор безусловно *работал*, иными словами, соблюдался. Такова суть подхода, который был подтвержден в кратком выступлении президента на заседании Совета безопасности по этому вопросу 6 марта. Такой подход поддержали все члены Совета безопасности.

- Вы говорите о предварительной проработке, которая была сделана аппаратом СБ. Хотелось бы знать, какова была позиция ведомств в изначальных предложениях. Совпадали ли они?

- В подготовке материалов, их осмыслении и экспертизе наиболее заметное участие приняли Минатом, МИД и министерство обороны. Должен сказать, что принципиальных расхождений, которые были бы технически непреодолимы, не наблюдалось. Это облегчило работу над проектом Решения Совета безопасности, позволило сделать его и *компактным, и работоспособным*. Уверен, что это не будет очередная бумага, которая выглядит красиво, а толку от нее немного. В работе над проектом документа представители ведомств были едины: нужно найти умную, взвешенную, конструктивную линию России как ядерной державы, как члена Совета безопасности ООН, которая позволила бы привлечь к подписанию Договора и его продлению (если удастся, бессрочному) **как можно большее число государств. И ради этой цели можно - конечно, не уступая в главном - идти на какие-то компромиссы, посмотреть резервные варианты.**

Была осмыслена вся программа возможных вариантов развития событий. **Во-первых**, обсудили ситуации, при которых соглашение о бессрочном действии Договора не достигается. **Во-вторых**, проанализировали позиции отдельных государств, которые звучат диссонансом в общем хоре, подумали, какими методами удастся побудить их изменить свою позицию.

- Как это Решение оформлено?

- По закону заключения Совета Безопасности оформляются в виде Решений, которые утверждаются президентом. А наиболее важные из них оформляются в виде указов и распоряжений президента. В частности, по этому вопросу готовится детализация. В рамках Решения Совета Безопасности, уже утвержденного президентом и приобретшего обязательную силу для исполнения всеми структурами государства, детализация будет выражена в форме распоряжения президента и решения правительства по данному вопросу. Будут введены жесткие установки по времени и по ответственности исполнителей. Это решения, которые подлежат контролю, а контроль по закону возлагается на аппарат Совета Безопасности.

- Решение СБ по ДНЯО носит закрытый характер?

- Подавляющее большинство решений Совета Безопасности носит закрытый характер. Тем более решения, касающиеся таких чувствительных сфер. Это естественно. Ведь речь, в конечном счете, идет о безопасности. Несмотря на то, что мы принципиальные сторонники партнерства с США, другими государствами, у нас все-таки есть *святая святых*, есть то, что определяет национальную самобытность. Я могу гарантировать, что решение СБ по данному вопросу не носит открытого характера только в силу того, что предполагает конкретные действия и мероприятия.

- Если взять позиции стран, которые звучат диссонансом и которые не выступают за бессрочное продление договора (Иран, Нигерия, Египет, Мексика), то у них есть один безусловный козырь: неполное соблюдение ядерными государствами статьи IV Договора - об оказании технической, технологической помощи тем государствам, которые добровольно отказываются от владения ядерным оружием согласно Договору и являются членами Договора. В этой связи, наверное, особенно интересна ситуация с Ираном, который является членом Договора, поставил свои объекты под гарантии МАГАТЭ и, вместе с тем, является объектом определенного давления со стороны некоторых ядерных стран. Был ли этот вопрос проанализирован Советом безопасности?

- Естественно. В процессе работы над Решением этот вопрос учитывался как один из важнейших. Что касается ситуации с Ираном, то совершенно ясно, что здесь налицо вторжение в сферу ядерной безопасности и нераспространения ядерного оружия иных интересов, которые имеют, на мой взгляд, косвенное, отдаленное отношение к Договору. Речь идет прежде всего об **экономических интересах**, о сферах влияния, о том, чтобы не позволить некоторым государствам укрепить позиции торгово-экономического и научно-технического взаимодействия. Мы очень внимательно посмотрели все доводы противников нашего сотрудничества с Ираном в области строительства атомной электростанции, критически взвесили: может быть, действительно есть опасность использования этих реакторов для выработки оружейного плутония в таких количествах, которое позволит создать ядерное оружие? **Во-первых**, многосторонняя проверка специалистами (в том числе с привлечением независимых экспертов, проведением расчетов, форумов, от которых мы, политики, достаточно далеки) показывает: даже если *на выходе* и может получиться какое-то количество плутония, то из этого плутония невозможно (даже при самом высоком развитии техники и технологии) создать ядерное оружие. **Во-вторых**, поскольку Иран берет на себя обязательство полностью отдать под международный контроль, под контроль МАГАТЭ все то, что делается и будет делаться в ядерной сфере, то даже теоретическая возможность возникновения непредвиденных явлений полностью исключена. Практика показывает, что это достаточно эффективный контроль, тем более что он опирается на согласие ядерных держав. В данном случае к тому же имеется вполне осознанная и ясно выраженная воля России, которая в полной мере осознает свою ответственность за нераспространение ядерного оружия в любом регионе мира. Мы в доктринальном, стратегическом плане признали (в отличие от целого ряда других государств), что одна из главных опасностей, которая сегодня угрожает международной стабильности, миру - это практическая опасность распространения ядерного оружия, компонентов, которые позволят его создать. Мы это записали в своей военной доктрине и мы этому свято следуем. Мы понимаем, что в нестабильном мире возможность обладания ядерным оружием каким-либо государством или группой государств с нестабильными режимами, а тем более с режимами экстремистской, националистической, фундаменталистской направленности с элементами фанатизма представляет угрозу не только региональной, но и глобальной безопасности. Мы хорошо информированы, что ряд государств приблизился к овладению или овладел технологиями и продуктами для производства ядерного оружия. Пороговых государств насчитывается от двенадцати до пятнадцати. Это значительное число. Поэтому вопрос нераспространения - это для России

вопрос жизненный, тут спекуляции должны быть отброшены. Также должны быть отброшены политическая конъюнктура и торговая выгода.

Говоря о сотрудничестве с Ираном в ядерной сфере, мы, естественно, исходим из этих краеугольных положений. И они соблюдаются очень жестко. С учетом вышесказанного, сотрудничество России с Ираном позволит стабилизировать обстановку в интересах не только одного субрегиона, но и всего мира, потому что нет ничего более эффективного, чем мирное экономическое хозяйствование, партнерство, когда связи укрепляются, когда появляются интересы из сферы созидания, а не из сферы разрушения.

- Сложнее с подготовкой контракта о строительстве Россией АЭС в Индии. Индия - не член ДНЯО и не намерена к нему присоединиться.

- Я думаю, здесь ряд вопросов правомерен. Замечу, однако, что чаще всего вопросы возникают на поле, которое, я бы сказал, *недостаточно информационно одобрено*. В данном случае не хотелось бы раскрывать все нюансы. Вопрос слишком деликатный. Отмечу, что один из реальных рычагов цивилизованного воздействия на изменение позиции Индии в отношении Договора и ее присоединение к этому Договору - **возможное наше сотрудничество в этой сфере, в частности, заключение соответствующих контрактов**. Это как раз и должно ввести Индию в рамки согласия с теми постулатами, которые предусматривает договор, по крайней мере, в орбиту признания основополагающих принципов режима нераспространения. Понятно, что здесь значительную, если не определяющую, роль играют индийско-пакистанские отношения. Мы стараемся использовать и вес, и влияние России, задействовать партнерские отношения с США, с другими государствами, с тем чтобы соответствующим образом влиять на позицию Пакистана и решить этот вопрос *комплексно*, так, чтобы баланс сил в субрегионе не был нарушен. Основания для опасений со стороны Индии за свою территориальную целостность и национальную безопасность, имея в виду некоторые заявления Пакистана, наверное, имеются. Но сегодня осознание тупиковости конфликта на субконтиненте постепенно начинает пробиваться и в Пакистане, и в Индии. Повторю: ощутимых результатов можно добиться через решение созидательных задач, в частности, через строительство объектов, которые помогут поднять благосостояние народа, помочь социальному прогрессу, решению многих проблем, которые стоят перед этой великой державой. Мы поможем решить эти задачи при условии, что Индия согласится соблюдать те основополагающие принципы, нормы и рамки, которые предполагает режим нераспространения.

- Я хочу вернуться к обсуждению Советом безопасности вариантов продления Договора. Известно, что последняя X статья Договора предполагает несколько вариантов, включая продление бессрочное, продление на определенный срок либо продление на определенное количество сроков последовательно. Есть ли какой-то компромиссный путь, который был рекомендован Советом безопасности российской делегации, чтобы постараться максимально сохранить и по возможности расширить количество участников Договора?

- Как я уже отмечал, велика опасность, что значительная группа государств будет возражать против бессрочного продления. **А мы не можем пойти на альтернативу: бессрочно или ничего. Ответственный подход состоит в том, чтобы все равно не допустить распространение. Поэтому обсуждается также вариант (я не говорю о деталях - они еще дорабатываются), чтобы в качестве компромисса продлить Договор на четверть века (с возможностью последующего продления)**. А за это время провести целенаправленную профессиональную работу по пояснению того, что приобретает и что теряет государство, присоединяясь к режиму нераспространения или не присоединяясь к нему. За это время потребуются материализовать гарантии безопасности членом *ядерного клуба* неядерным государствам, решить ряд других *сопутствующих* проблем. Итак, вариант такой: если нам не удастся получить максимум, к

которому мы так настойчиво стремимся, тогда ход должен быть такой - четверть века. При том, что параллельно должны отрабатываться все вопросы по совершенствованию правового механизма, по созданию инфраструктуры исполнения, контроля за соблюдением договора, всех его позиций. У нашей делегации будет в запасе и целый ряд других вариантов. Но в любом случае Договор должен быть продлен, режим должен функционировать - вот сверхзадача, ее и предстоит решить.

- А если Договор "зависает" и его не удастся продлить в апреле-мае?

- На предварительном этапе в аппарате СБ вариант, когда вообще не удастся договориться, рассматривался. Предусмотрены характер, позиции, действия, санкции. В политическом плане нельзя не рассмотреть этот вопрос. Мы должны постоянно иметь в виду, что это возможно. То, что он нежелателен - это очевидно, но надо психологически быть готовым к этому, чтобы не получить шок, если вдруг произойдет такой срыв.

- Велика ли вероятность срыва?

- Крайне мала, практически близка к нулю. Все-таки проведена ответственная работа по согласованию, притирке, выработке позиций ведущих держав, которая способна гарантировать пусть компромиссное, но позитивное решение.

- А если нет?

- Тогда мы переходим в другую плоскость - плоскость существования человечества, когда не останется никаких гарантий, кроме гарантий, которые возьмут на себя государства-члены ядерного клуба. Придется идти по пути выработки политики противодействия распространению. В последнее время этот термин получил право на жизнь. К сожалению, сама жизнь к этому подталкивает - не только сохранение безопасности мира, но и меры принуждения к нарушителям режима распространения. Такие возможности есть, хотя, подчеркиваю, это крайний, нежелательный вариант.

- Один из ключевых вопросов Конференции, по-видимому, - гарантии безопасности ядерных государств неядерным. С одной стороны, Россия выступила с известной инициативой (правда, так и не развитой) осенью прошлого года. С другой стороны, Россия упрекает в том, что в Основных положениях военной доктрины снят тезис о неприменении ядерного оружия первой.

- В нашей военной доктрине, по сравнению с прошлым, радикально изменено положение о ядерной политике и ядерной стратегии России, в отличие от стратегии и политики Советского Союза. И сделано это по ряду соображений совершенно различного свойства. В числе первых я бы назвал морально-этические соображения. В определенном смысле мы идеологизированно фарисействовали, когда говорили о том, что стоим на позиции неприменения первыми ядерного оружия. Теперь мы отказались от фарисейства. Второй фактор - политический. Мы из идеолого-политических соображений (могу признаться в том, что в течение достаточно длительного периода был соучастником этого) просто отвергли принцип сдерживания. Мы считали, что это принцип западный, капиталистический и что он не может быть применен у нас. Мне приходилось участвовать в переговорах с Маргарет Тэтчер (а она была одним из родоначальников и стратегии ядерного сдерживания) и, следовательно, изворачиваться, чтобы доказать, что эта стратегия *нежизненная*, хотя уже тогда мы все больше начинали понимать, что эта стратегия более продуктивна и жизнеспособна, чем стратегия *ответно-встречного удара*. Она экономична, современна и по большому счету гуманна. Потому что политически куда важнее предупредить агрессора: "Не следует нападать, потому что ты понесешь ущерб", чем обмениваться с ним ударами. Когда я возглавлял комиссию по разработке военной доктрины, в конце концов нам удалось доказать, что мы должны отказаться от фарисейства и признать продуктивность и рационализм стратегии сдерживания.

В доктрине подчеркивается: мы были и остаемся на позиции, что ядерное оружие является иррациональным и что его в конце концов необходимо уничтожить, но на взаимных началах и всем. То есть его не должно быть, оно не может привести к победе, к разумным конструктивным результатам. Но, поскольку оно есть, и есть не у одной державы, и есть также возможность приобретения его другими государствами, мы заявили о том, что считаем возможным применить ядерное оружие в случае конфликта, уточнив, в каких именно случаях мы будем рассматривать такую возможность. Думаю, что это чрезвычайно важная позиция, и те критики, которые пытаются спекулировать на "отходе России от обязательств СССР в области гарантий безопасности", забывают о том, что на этой позиции стоят все ядерные державы, кроме Китая. Впрочем, Китай, хотя и не отказался от декларации о неприменения ядерного оружия первым, ее уже особо не рекламирует. Думаю, и там придут к пониманию эффективности концепции ядерного сдерживания: бессмысленно иметь ядерное оружие, рассматривая его как оружие ведения войны и игнорировать то, что фактически, в силу его иррациональности, это *политическое оружие*.

- Сейчас в Женеве готовится договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия. Работа, насколько я понимаю, идет медленно. Перед подготовкой заседания Совета Безопасности России этот вопрос не мог быть не обсужден. Позиция ряда ведомств уже известна: следует ненадолго прервать российский мораторий на испытания ядерного оружия, исходя из соображений, что необходимо несколько испытаний для внедрения новых технологий, в частности, по усовершенствованию системы безопасности.

- Думаю, что здесь есть проблемы, и закрывать на них глаза нельзя. Да, мы сторонники и инициаторы всеобъемлющего запрещения ядерных испытаний. И будем бороться за то, чтобы оно действительно стало всеобъемлющим и чтобы никто не проводил никаких испытаний, в том числе и мы. Но здесь есть над чем подумать, и не только с точки зрения совершенствования ядерных боеприпасов и повышения ядерной безопасности, но и с точки зрения сохранения ядерной безопасности. Это проблема всеобщая, не только наша. И если кто-то говорит, что нашел электронные, стендовые способы решения этой проблемы, это не совсем так. Стоит очень серьезная задача проверки и нахождения действительно гарантированных, максимально эффективных механизмов обеспечения безопасности, в частности, тех боеприпасов, которые доживают свой век. Сделать это без проведения такого рода испытаний весьма проблематично. **Вопрос этот не решен.** Над ним идет очень серьезная работа. Тут надо решить, стоит ли и дальше соблюдать имидж *Дон Кихота* - страны, которая однажды заявила, что мы по доброй воле вводим мораторий, - и в результате оказаться перед лицом нарастающей опасности, неопределенности. Без испытаний у нас нет ясности, как обстоят дела с безопасностью боеприпасов. **Не исключено, что, взвесив, мы найдем тот минимум испытаний, при котором будет исключена в дальнейшем сама возможность потенциально крупного нарушения ядерной безопасности.** Если потребуется и если мы не найдем других решений, то решение о возобновлении испытаний будет сделано открыто. Мы это обоснуем, договоримся с нашими партнерами. Может быть, эта позиция будет рассмотрена и даже удовлетворена. Иногда приходится сделать шаг назад для того, чтобы затем сделать два шага вперед. Тут нельзя быть догматиками, жертвами политических схем.

Манилов Валерий Леонидович - генерал-полковник. Закончил Военно-политическую академию им. Ленина и академию Генштаба. Последние несколько лет работал в аппарате министерства обороны. С 1989 по 1992 год - начальник Управления информации при министерстве обороны СССР. В 1992 году возглавил службу информации Объединенных вооруженных сил СНГ. С 1993 года - заместитель секретаря Совета безопасности.